Сергей ПАХОМОВ,
доктор экономических наук

«Медный блин» комом

ДОВЕРИЕ К ГОСУДАРСТВУ И КРЕДИТНЫЕ ДЕНЬГИ

Буря Смутного времени произвела глубочайшее опустошение в хозяйственном устройстве России и в нравственном настроении русского общества. Страна была полностью разорена. Иностранцы, посещавшие тогда Россию после воцарения Михаила Романова, рисуют печальную картину разоренных, сожженных и опустошенных сел, где в избах догнивали трупы убитых и умерших. Население сократилось, крестьяне забросили земледелие, в отдельных имениях обрабатывалась едва ли десятая часть пахотных земель[1].

После Смутного времени финансы были самой болезненной проблемой Российского государства при новой династии Романовых. Постоянные и далеко не всегда удачные войны, прежде всего с Польшей, военная реформа и создание царем Алексеем Михайловичем армии нового западноевропейского образца истощали царскую казну и заставляли прибегать к принудительным дополнительным налогам, податям и сборам.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ОТ КОТОРОГО НЕЛЬЗЯ ОТКАЗАТЬСЯ

В качестве первых государственных займов в Русском государстве можно рассматривать так называемые запросные займы царя Михаила Федоровича в начале его правления. В экстренных случаях непосредственно после Смутного времени царская казна стала прибегать к беспорядочным принудительным займам у состоятельных частных лиц и у монастырей, например у богатых купцов Строгановых или у Соловецкого монастыря. Царская грамота 1613 года, объявлявшая запросный заем, гласит: «...царское величество... те деньги и за хлеб, и за соль, и за всякие товары, что вы с себя ныне дадите, велит заплатити из своей царские казны тотчас без всякого перевода». Деньги и товары при этом предписывалось дать взаймы, «как кому мочь ляжет, обложась по своим прожитком и по промыслом», то есть на тех же основаниях, на каких взимались подати. Займы эти по большей части не возвращались, хотя в 1614 году калужанам вернули занятые деньги из кабацких доходов царя. Фактически это являлось принудительным опережающим способом сбора податей, в отдельных случаях запросные займы шли в зачет налогов. В 1615 году купцам Строгановым зачли принудительно взятые царем взаймы 3000 руб. при сборе государственных податей. В том же году это было сделано и в отношении некоторых монастырей — Ипатского, Корельского, Николаевского. Запросный заем в 1634 году был уже принудительным и безвозвратным, он отличался от подати (причем в худшую сторону) только тем, что не было указано определенной суммы, подлежащей уплате, а про-

[1] Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 3. Курс русской истории. — М., 1988. — С. 81–83.

сто царь велел давать «на вспоможение ратным людям не оскудя и не умаля»[1].

«СЧИТАТЬ МЕДЬ СЕРЕБРОМ»

В 1656 году близкий к царю Алексею Михайловичу Ф.М. Ртищев при возникшей после окончания очередной войны с Польшей в государственной казне потребности в серебряной монете для выплаты жалованья войскам подал новаторскую идею выпустить в обращение медную монету с принудительно установленным царским указом курсом, который приравнивал бы ее к аналогичной серебряной. Фактически это было первой в русской истории попыткой введения кредитных денег и видом принудительного беспроцентного и безвозвратного внутреннего государственного займа у населения. Московский рынок уже был приучен и к порче монеты, и к денежным знакам с номинальной стоимостью. В России того времени отсутствовала собственная золотая или крупная серебряная монета. Рубль и полтина были всего лишь единицей счета, а ходячей монетой служили копейки, деньги (полукопейки) и полушки. Обычно, остерегаясь карманников при посещении торговых рядов, их держали за щекой. Московская казна выделывала серебряную монету из привозных немецких иохимсталеров, получивших название «ефимки». Ефимок имел рыночный обменный курс в 40–42 серебряные копейки, но переливался государством в 64 копейки. Таким образом, «эмиссионный доход» государства при выпуске национальной серебряной монеты составлял почти 60%. Часто ефимок и вовсе не переливался, а просто получал штемпель Денежного двора, превращавший его из 40-копеечника в 60-копеечник.

В России в то время было всего три Денежных двора: в Москве, Новгороде и Пскове. При введении медных «кредиток» было изготовлено большое количество медной монеты, по весу и форме аналогичной серебряной. Экономически абсурдная на первый взгляд идея «приказать» медным деньгам быть серебряными и приравнять стоимость меди к стоимости серебра вела к тому, что разница в стоимости металла шла в царскую казну. На тот момент одна серебряная копейка равнялась ста аналогичным по весу медным копейкам, которые необходимо было принимать в оплату по цене серебряных. В условиях ограниченной эмиссии вначале эти медные кредитные деньги, приравненные царем к серебряным монетам, пользовались полным доверием населения и ходили наряду с серебряными монетами по одинаковому курсу. Однако при отсутствии государственной монополии на денежную эмиссию и строгого надзора за процессом чеканки денег вскоре начался массовый процесс неконтролируемого и незаконного выпуска медной монеты. Многие купцы, представители знати и других сословий закупали медь, привозили ее, наряду с государственной медью, на Денежный двор, переделывали в кредитную монету и увозили к себе. Мастера-литейщики и чеканщики наладили изготовление «воровской» медной монеты в своих мастерских. Рынок вскоре оказался наводнен незаконно чеканенными медными деньгами, украденными у государственного кредита.

ТОПОРОМ И ДЫБОЙ

Царская специальная служба государственной безопасности в лице Приказа тайных дел и Разбойного приказа была достаточно хорошо осведомлена, что «воровской промысел» процветал благодаря коррупции, проникшей в царскую семью и вышедшей на политический уровень. После Медного бунта следствие показало, что «воровская чеканка» покрывалась тестем царя боярином Милославским и думным дворянином Матюшкиным, мужем тетки царя Алексея Михайловича по материнской линии. За покровительство «ворами» платились крупные суммы, за пределами Москвы, в других городах огромные взятки платились воеводам. Медные деньги чеканились также в Новгороде и Пскове. Уличенным в «воровской чеканке» приказным и денежным мастерам рубили руки, прибивали их на воротах и на стенах денежных дворов. Некоторые преступники были казнены, а все их имущество конфисковано в царскую казну. Однако «жестокости не помогли при неодолимой прелести быстрого обогащения»[2]. На денежных дворах для надзора были поставлены верные царю и материально обеспеченные люди из числа купцов, торговых людей и целовальников. Однако и они вскоре не устояли перед жаждой быстрого и легкого обогащения. Медь покупалась в Москве и Швеции, привозилась вместе с царской медью на денежные дворы, чеканилась и увозилась на личное подворье.

В курсе медной монеты в результате неконтролируемой эмиссии неизбежно стал образовываться разрыв по отношению к серебряной. В конце 1660 года на «свободном валютном рынке» за один серебряный рубль давали два медных, а в 1663 году уже 15 медных рублей. Началась инфляция и резкое подорожание товаров, особенно пострадали от этой аферы служилые и ратные люди, которые продолжали получать жалованье потерявшими доверие медными «кредитками» по принудительно установленному курсу, уже не отражавшему рыночной реальности. Особенно страдали русские войска, стоявшие в Малороссии, где медные деньги, которыми им платили жалованье, никто к тому времени уже не хотел принимать.

НИЗЫ НЕ ХОТЯТ МЕДИ ПО ЦЕНЕ СЕРЕБРА

25 июля 1662 года в Москве вспыхнул Медный бунт, жестоко подавленный властями. Он начался с прокламации, прикрепленной воском к столбу на Лубянской площади. Листовка гласила: «Изменник Илья Данилович Милославский, да окольничий Федор Михайлович Ртищев, да Иван Михайлович Милославский, да гость Василий Шорин». Молва уже давно связывала имена этих людей с покровительством «воровскому медному промыслу», разорявшему широкие слои населения. Открытое, хотя и анонимное, обвинение в государственной измене таких видных представителей высшей знати и царской семьи немедленно собрало толпу, которая после бурного митинга решила направиться к царю, находившемуся в Коломенском, и потребовать их ареста. Толпа бунтовщиков, добравшись до места, потребовала встречи с царем, и когда Алексей Михайлович, праздновавший рождение дочери, вышел на дворцовое крыльцо в Коломенском, ознакомился с прокламацией и обещал наказать виновных, толпа потребовала немедленной выдачи «воров» и быстро стала неуправляемой. Царь отдал приказ стрельцам разогнать бунтовавших, и в результате

[1] Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. — 2-е изд. — Челябинск: Социум, 2004. — С. 557–558.

[2] Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. История России с древнейших времен. Книга VI. — М., 1991. — С. 186.

было перебито и схвачено более семи тысяч человек, около сотни утонули в Москве-реке, спасаясь бегством. Царица, шокированная происходящим, получила нервное расстройство, от которого не могла оправиться около года. Позднее более пятнадцати тысяч человек были наказаны отсечением рук, ног, ссылкой в Сибирь, конфискацией имущества в царскую казну. Упомянутые в «подметном письме» лица не пострадали[1]. В бунте, как, впрочем, и в подделке медных денег, участвовали самые широкие слои московского населения: духовенство, причетники, монахи, торговые и посадские люди, крестьяне, холопы и даже отдельные солдаты и офицеры[2].

НАЗАД К СЕРЕБРУ!

В результате эксперимента с медными «кредитными деньгами» расстроился денежный и торговый оборот Русского государства. Поняв неизбежность скорого провала проекта решения бюджетных проблем с помощью выпуска медных «ассигнаций», напуганная Медным бунтом и нарастающим брожением стоявшей в Малороссии русской армии, царская администрация стала готовить возвращение к серебряному денежному обращению. С целью пополнения казенных запасов серебра, закупавшегося за границей, государство ввело монополию на экспорт и принудительно скупало за медные деньги у русских купцов экспортные товары (меха, поташ, лен, пеньку и другое) и перепродавало их за границу в обмен на серебряные деньги. Русское купечество разорялось, не имея возможности обратить в новый товар полученные медные деньги. Однако государству удалось продать таким образом за границу товаров на 233 тыс. уже серебряных рублей и создать запас серебра для начала выпуска национальной серебряной монеты.

Полная неудача всего предприятия с медными «кредитными деньгами» заставила царя Алексея Михайловича полностью ликвидировать их в 1663 году. С 15 июня 1663 года в соответствии с царским указом начиналось производство серебряной монеты на Московском денежном дворе, жалованье государевым служилым людям выдавалось в серебряной монете, таможенные пошлины и сборы в государеву казну платились только серебряной монетой. Торговля внутри страны также должна была производиться за серебро. Под страхом жестокого наказания медная монета подлежала обязательной и принудительной сдаче в царскую казну или переплавке в медные изделия. Выпуск медных кредитных денежных знаков как формы беспроцентного государственного внутреннего долга предполагал, однако, теоретическую возможность их обратного обмена на серебряные деньги. Казна это делала и в ходе «реструктуризации долга» заплатила кредиторам по одной серебряной копейке за медный рубль, то есть фактически по цене металла. В итоге было собрано более полутора миллионов рублей медных денег, однако общий объем эмиссии медных «кредитных денег», по некоторым оценкам современников, за пять лет эксперимента составил более 20 млн руб. Еще в 1664 году в России под видом серебряной монеты активно ходили «воровские» медные деньги, покрытые ртутью или слегка посеребренные[3].

Так печально закончилась попытка ввести в России медные «кредитные билеты» и решить за счет их эмиссии проблему дефицита государственного бюджета, вызванную большими военными расходами в ходе борьбы с Польшей за Малороссию. Полтавский полковник Пушкарь в то время в разговоре с гетманом Выговским, позднее перебежавшим к полякам, исключительно точно выразил суть кредитных денег: «Хотя бы великий государь изволил нарезать бумажных денег и прислать, а на них будет великого государя имя, то я рад его государево жалованье принимать». При благоприятных обстоятельствах кредит Российского государства был силен, и медные деньги, благодаря доверию, два года действительно держались в экономическом обороте страны на уровне серебряной монеты. Отсутствие стабильных государственных доходов, неудержимая частная эмиссия «воровских» кредиток и неспособность государства ее пресечь привели к провалу первой попытки перейти к «кредитным деньгам»[4]. Время бумажных ассигнаций пришло в Россию только в царствование Екатерины II.

В КОНЦЕ 1660 ГОДА НА «СВОБОДНОМ ВАЛЮТНОМ РЫНКЕ» ЗА ОДИН СЕРЕБРЯНЫЙ РУБЛЬ ДАВАЛИ ДВА МЕДНЫХ, А В 1663 ГОДУ УЖЕ 15 МЕДНЫХ РУБЛЕЙ

[1] Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. История России с древнейших времен. Книга VI. — М., 1991. — С. 188–189.

[2] Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 3. Курс русской истории. — М., 1988. — С. 211.

[3] Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 3. Курс русской истории. — М., 1988. — С. 209–212.

[4] Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. История России с древнейших времен. Книга VI. — М., 1991. — С. 189–190.

Private Equity и Venture Capital в России и СНГ

PREQVECA
private equity venture capital

www.preqveca.ru

Поднимись на вершину карьеры финансиста

на правах рекламы